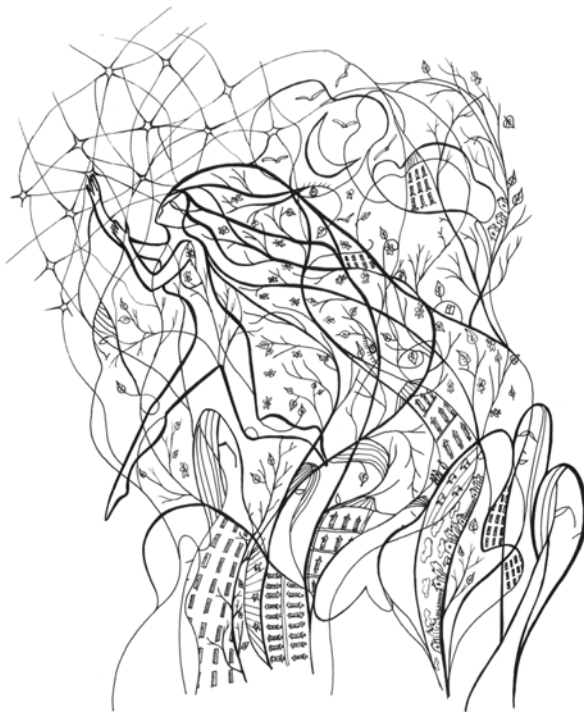

Михаил Фридман
ЭКС-ТРАКТ
Экстраверсификация

Москва
2008

Безграничная сердечная благодарность:
Степанову Олегу Владимировичу
за чуткую душу и доброе сердце,

Поэтам Геннадию Харенко, Татьяне Романовой-Настинной,
Анатолию Апостолову и Академику Борису Бим-Бадю
за их доброжелательность и великодушие.

Огромное спасибо
Маме – **за то, что она всегда рядом**

© М. Фридман, 2008

© Т. Лапина, 2008

© И. Зенин, 2008

Издать свой труд – отнюдь не пустяки,
Тебя я с этим поздравляю, Мишка.
Не спрашивай, зачем нужны стихи,
Стихи нужны, чтоб получилась книжка!

Андрей Егоров

Мне снова “Нависть” не даёт покоя –
Не каждому дозволено такое!
Когда бы кто иной без наказания
Вдруг произвёл со словом обрезанье,
Пером своим, как скальпелем, скользя...
Но ты гритёнок, ряха, тебе – лязя!

Павел А. Васильев

маме

Жизнь прожигаю среди душегубов,
В мыслях слова обрекая на стих.
Лермонтов, Писарев и Добролюбов –
Скоро я стану ровесником их.

Но по плодам обо мне не судите –
С ними тягаться не может никто:
Скромный поэт и обычный учитель,
Гений – не гений, но может потом...

Самостоятельно жизнь постигаю,
Собственным промахам деток учу –
Вторят мне пёстрые, как попугаи:
Мне по колено, где им по плечу.

Вижу весь мир в трёх цветах:
в белом, в чёрном
И в чёрно-белом, берёзовом, но
То, что для деток является спорным,
Мне очевидно... и мне всё равно.

Сколько ещё предстоит разузнуть им
Непостижимостью серых мозгов?
Люди, себя относящие к братьям,
Хуже бывают заклятых врагов.

Был в прошлой жизни, видать, виноватым,
Раз мне досталась такая родня.

Стал мне прохожий единственным братом –
Лучше родных понимает меня.

Если умру, пусть смеются на тризне,
Камни с цветочками носят – вперёд!
С неразделённой любовью к Отчизне
Каждый до смерти взаимности ждёт.

Соображаю в реальности туго,
Выпил таблетку – не с болью же жить! –
Не для того, чтоб спастись от недуга,
А для того, чтобы смерть отложить.

Разве я зря заточённым в утробе
Выхода ждал своего, как артист,
Но ни в рубашке, ни в шубе, ни в робе
Я не рождался – я сердцем был чист:
Тыкали б пальцами – контрабандист!

Эти глаза тёмно-карего цвета
Мир весь вмещали в огромных зрачках,
Чёрной дырой засосали мир этот,
Большой, чем мир у старушек в очках.

Не появился, как джинн, из пробирки,
Плыл я в ковчеге и выплыл, как Ной.
Мне прикрепили какую-то бирку:
Ценник на куклу и знак номерной.

Голову поднял над миром упрямо,
Будто промолвил: “Поди, совладай!”
Я был, наверно, похож на Адама,
Позже я выучил “мама” и “дай”.

Что голова? Я поднялся над миром:
На четвереньках не ползал уже
И пристрастился к спиртному с кефиром
Юным нудистом в святом неглиже.

Бабушка с мамой читали мне сказки –
Взрослые верили их чудесам,
Я же зевал от банальной развязки,
Со скептицизмом твердя им: “Я сам”.

Я колдовал, обезглавливал Змея,
Бился с Кощеем и бил по врагу(!) –
Делал всё то, что сейчас не умею
И уже вряд ли когда-то смогу!

Знал, что добро побеждает на свете,
Гордо натягивая тетиву.
Верил в победу добра – как все дети! –
Нынче же понял, что не доживу.

Помню, как в садике кашей кормили –
Мной были съедены центнеры каш.
Помню, как понял смысл слова “или”:
Вместо машины – машинка, муляж!

А чудеса(?): волшебство батарейки,
Пламя в плите и из лампочки свет.
Помню двух бабушек: ту, что еврейка,
Ту и другую, которая нет.

Помню, как мама была молодой,
Ездили с ней мы на ВДНХ...
Вслушавшись в смех, если он надо мною,
Смех я делил на хи-хи и ха-ха.

Помню рассказ стариков про Освенцим
С выжившими без питья и еды.
Помню значок мой с курчавым младенцем
В лучиках пятиконечной звезды.

Ссадин хватало на детских коленях,
Но утешался, смотря в тишине, как улыбается
дедушка Ленин,
Видимо, внука увидев во мне.

Помню про зайцев и деда Мазая
И про Великий Октябрь – про то,
Как научился я жить, осязая,
И сомневаться, потрогав, потом.

В детстве два тёзки: дурак и царевич –
Мудрость свою разделили со мной.
Позже примкнули к ним и Бонч-Бруевич,
И тот, кто детям был самый родной.

Помню, как в детстве с блокнотом и ручкой
Изобретал я крючки-закорючки,
Новый выдумывая алфавит,
Думал: зря бабушка губы кривит,

Батя напрасно ехидно смеётся.
(Их больше нет. Очень грустно без них.)
Я был похож на Мэсропа Маштоца
В том, как я сам выводил каждый штрих.

Если б узнали Кирилл и Мефодий,
Тут же б взялись за арабскую вязь.
Фибры души на мысках псевдоподий
Тянутся к Богу, чтоб вера сбылась.

Честно признаюсь, учился *неочень*,
Даже по меркам сегодняшних дней.
И с малолетства я стал озабочен
Властью законов из царства теней.

Так пролетело каких-то два года,
Жизнь, мне казалось, не станет быстрее.
Я написал свою первую оду –
Это был четырёхстопный хорей.

С галстуком алым, с идейною верой,
С новым значком на всё той же груди
Я присягнул, зная, ждёт пионеров
Светлое будущее впереди.

Я был, как все, убеждён, что так надо,
Чистый, хоть и разлинованный лист:
Не председатель Совета отряда
И не отличник, и не активист.

Я, наблюдая за взрослою жизнью,
Видел людей, словно стёкла, насквозь,
Видел упрёки в них и укоризны,
Ели намеченное не сбылось.

В жизни дефект как эффект от аффекта.
Вера в того, кто к нам глух, слеп и нем!
Помню, попал я в прекрасную секту,
Где объяснили мне, что и зачем.

Где научили меня верить в Бога,
Где научили молиться Ему,
Где я и выбрал кривую дорогу
К свету Его сквозь кромешную тьму.

Там я узнал настоящую цену
Истине, Дружбе, Добру, Красоте –
Это не то, что поётся со сцены:
Люди другие, и песни не те!

Позже учился в университете:
Думал, алхимиком стану, и вот
Самое лучшее, что есть в поэте,
Только алхимик во мне и найдёт.

Я стал учителем, гуру, сэнсэем.
Я стал писать заклинанья в стихах.
Мне ежедневно акмэ с апогеем
Шлют Иегова, Христос и Аллах.

Выкрест – не выкрест и коэн – не коэн,
Верю, что бог – это совесть моя.
Этой вот верой и обеспокоен,
Но атеистом считают друзья!

Я не крещусь, не мусолю мезузу,
Но уважаю и тех и других.
Как колобок устремляется в лузу,
Так моя мысль устремляется в стих.

Время сдаёт календарь, как колоду –
Так бы и крикнул ему: “А себе?!”
Люди вживляются в новую моду,
Люди в плену ощущают свободу
И добиваются мира в борьбе.

Все мы идём по единой дороге:
Бедный, богатый, красавец, урод.
Всех нас тупик ожидает в итоге –
Все мы надеемся на поворот!
Кто-то догонит, кто-то обгонит,
Кто-то ударит, швырнув: “Извини!”
Наши чиновники – воры в законе,
И государство – не мы, а они!

Троечники выбиваются в люди,
А хорошисты – всегда в дураках.
И никогда по-другому не будет –
Сказано: “Тайна сия велика!”

Мир создавали материалисты,
Бог же – венец их творения. Он
Пел им о рае, да так голосисто!..
Верят донныне и в Яхве, и в Хри-ста...
Любят сильнее, чем Пигмалион.
Их на земле не один миллион!

Ждут дивидендов от вложенных лепт их
В качестве жертвы, за бедной вдовой.
Солнце краснеет над их головой.
Совесь моя – это мой антисептик,
Я из-за совести только живой!

Жизнь – мой этап, солнце – это конвой.
Глядя на солнце, я щурюсь, как скептик!

Алексее Алмаеву

Рождение воды
под взрыв гремучей смеси
Задолго
до эвглен зелёных и амёб.
Мой ежедневный мир –
ах, как он интересен!
Он солнцем на меня
установился – циклоп.

Он создаёт свинец непросто –
из урана!
Он видит всех, как есть,
себя же – в зеркалах.
И эта вот вода,
бегущая из крана,
Задолго до амёб
взрывалась и текла.

Её пил динозавр
с Адамом, ставшим мною,
В ней плавала заря
с утра и до утра,
Вода спасла весь мир,
весь мир – в ковчеге Ноя,
И рыба в ней ждала
апостола Петра.

Мы родом из воды,
мы созданы водою.
Я думал, как её
мне сделать из вина.
Её хранит туман
и облако седое,
В обыкновенной,
в ней вся жизнь растворена!

И водопад, и шторм,
и гейзер, и цунами,
И ключ грунтовых вод,
и изморозь небес –
Вода, вода, вода –
над нами и под нами,
Первооснова в ней –
об этом знал Фалес!

Я на себя смотрю,
склонившийся над лужей,
Там образ мой – не я,
там всё наоборот.
Я вижу в ней себя
и думаю, что дюжий –
Так вру я сам себе,
а не вода мне врёт.

Взрывают люди всё:
свои и *везде* –
Попалось же ядро
пытливому уму!
Рождалась и вода
под взрыв гремучей смеси!
С тех пор вот этот взрыв
дарует жизнь всему!

Меня воспитывала улица,
Где в каждом слове буква “ять”.
Учил горбатый не сутулиться,
А толстый – не переждать.

Я рос, наивный, с верой твёрдою
Во всё, что люди говорят
О том, как мне с жидовской мордою
А гоем влезть в *коллажный* ряд.

Но повзрослел и понял многое
О том, как жизнь устроена
С её тернистою дорогою
От Каина до коэна.

Сергею Репному

“Мне кажется, меня не понимают”
Ни бог, ни чёрт, ни человек – никто.
Я вырос на Чуковском и Барто,
Что замок Иф, когда моя тюрьма – Ид?!
А Супер-Эго – шут из Шапито.

Улыбки рассовал по детским снимкам,
От них сейчас на мне нет и следа.
Иду вперёд – неведомо куда –
С печалью-собутельницей в обнимку.
Мне нитью Ариадны провода.

Такую боль не выменять на слёзы,
Не выплачешь: реви и не реви.
Пушай поют о счастье соловьи,
И шепчутся о Господе берёзы...
Бог – в гемоцианиновой крови!

Я изменился, солнышко – всё то же.
И всё, что было прежде, будет впредь.
Нам не дано судьбу предусмотреть
В стихах, где муза в латексе и коже
В руке сжимает вместо лиры плеть.

Меня не понимают звери, птицы,
Угрюмые фонарные столбы
И рыбы, что безмолвны как рабы,
И стареньких учебников страницы.

Читай: пол-Торы – полторы судьбы! –
И знай, что прежде было – повторится.

Иду домой я длинною дорогой –
Для бешеного пса и то не крюк.
И воеет на луну печаль-бирюк.
Моя душа капризной недотрогой
Идёт на север, а глядит на юг,
Сворачивая шею Бхакти-йогой.

Я одинок!

Никто

меня

не трогай!

Меня не понимает лучший друг!

Думал весь день, с утра, а
Что же такое РАО?
Когда я был, как Питер Пэн,
Я помню, была АПН.

Там изучали ликбез.
Страна на реформы щедра! О!
Это знакомое РАО –
Наверное, РАО ЕЭС!

Максиму Авагимову

Мы встретимся в раю,
 где Пётр стоит у входа,
Задумчивый консьерж,
 приветливый швейцар.
Он спросит нас с тобой
 про путь через невзгоды,
Про счастье напрокат,
 как про возмездный дар.

Там, где нагой Адам,
от Бога прячась в кущах,
Какой-то странный плод, оглядываясь, ест.
Останемся с тобой у ангелов, поющих
Песнь песней и псалмы
 под сладкий благо-вест.

Рай – это не Земля, хотя и здесь неплохо.
Мы встретились с тобой тут – не в раю, а тут!
И понимали мы друг друга с полувздоха,
Мы понимали, что... немногие поймут.

У дерева Добра, как в ГУМе у фонтана,
Ты будешь ждать меня,
 пронзив копьём змею.
Я должен быть в аду. Но знай,
 что не отстану!
Меня (!) пропустит (!!) Пётр(!!!)
 Увидимся в раю!

Я нежусь в одиночестве своём,
Которое латентно-магнетично.
Грядущее засеяно былльём.
Прекрасно то, что мы ещё живём,
Что жизнь идёт, и счастье в ней вторично!

Я абстрагируюсь, мне грустно меж людей,
С самим собой гораздо интересней.
Живёт народ с терпеньем лошадей,
Желая хлеба, зрелищ и идей,
Чтоб косяком лететь на смерть под песни.

Чтоб строить, разрушать и строить вновь,
Грешить, чтоб каяться, а каяться, чтоб снова,
Испытывая в Господе любовь,
Со скепсисом волною выгнуть бровь
И в тишине нахмуриться сурово.

Земля! Я погребён с людьми живьём,
За что – не знаю, может, нет ответа?...
Хранитель уникальных хромосом,
Я нежусь в одиночестве своём,
Мутируя из юноши в поэта.

Илье Рейбарху

Треугольная гитара,
Три струны да две руки,
И неведомые чары
Раздвигают потолки.

И сквозь них я вижу *неба*:
Небо-дочь и небо-мать –
И вздыхаю: “Мама, мне бы
Научиться так играть!”

Между струн тащить за хвостик
Звук, как мышку из норы.
Как без зависти и злости
Наслаждаться от игры?!

Я бы крикнул: “Илька, дай-ка
Побренчать на ней хоть раз!”
Как-он-с-э-той-ба-ла-лай-кой!
Ге-ни-аль-ный ашкеназ!

Боже ж мой! Как сердце бьётся!
Грудь щемит со всех сторон!
Жаль, на Хануке в МЕОЦе
Рав Гуревич, Аарон.

Он бы понял, как неловко
Мне порой за кровь мою.
Я, пархатый полукровка,
Навестить решил Илью.

Не до Хануки в МЕОЦе
И главы недельной мне!
Жизнь вот-вот и оборвётся
В повседневной тишине.

Я с судьбой играю в жмурки,
Мой талант сокрыт от глаз.
От “Канкана” и до “Мурки” –
Вся судьба прошла за час!

У моей души пропеллер
Сдох, pardon pour l'expression.
Я, конечно, не Рокфеллер,
Но отдал бы всё-всё-всё,

Чтобы умереть нестарым,
Увидав в предсмертный час
Треугольную гитару –
Как играет ашкеназ!

Балалайку, а не скрипку –
Инструмент моих кровей,
Чтоб с авгурскою улыбкой,
Умирая, крикнуть ей:
“Чёрт возьми, а зох ун вэй!”

Время проходит быстро.
Мудрость приходит поздно.
Пламя – потомок искры,
Взбалмошной и стервозной.

Яблоки зреют вместе.
Вместе взлетает стая.
Как о своей невесте,
Я о тебе мечтаю.

Хлопнула мышеловка –
Видно, я сыра стою.
Стоишь ли ты, чертовка,
Быть той моей мечтою?

Быть тем сатори-искрой,
Чтобы, дыша стихами,
Вылить пять чувств – канистру
Робких сомнений в пламя?

Как ни спугнуть мечтою
Духов святых всю стаю?!
Чувство моё шестое –
Эта любовь шестая.

Наши взгляды играют в прятки
Или в салки, или в пинг-понг.
Внешне вроде бы всё в порядке,
Но душа разошлась в присядке.
В генах – сбой, в сердце слышен гонг –
Обезьянничает Кинг-Конг.

Я задумался тут, а фиг ли
Чарльз вменил мне своё родство?
Я не странствовал с ним на “Бигле”,
Для меня смерть Кащея – в иг-ле!
Солнце – вот моё божество!
Чарльз?! Сто лет бы не знать его!

Жизнь скудна и скупа! Всё равно – моя!
Мне не стать уже в ней пророком.
Ни к чему мне теперь астрономия,
Смысл жизни ищу в гастрономе я
И не спорю с настырным роком
В том, что время не пятится раком.

Мы в автобусе. Рядышком ты сидишь
И, косясь, будто бы не видишь.
Я спросил бы тебя на идиш –
Ты б ответила на “иди ж...”!
Ведь Мытищи, увы, – не Париж
И, тем паче, отнюдь не Китеж!

“Let my people” – поёт Армстронг,

обоня твой запах сладкий.
Отпусти меня без оглядки.
Ты читаешь книжку...учебник...Бонк...
Взгляды предков играют в прятки
Или в салки, или в пинг-понг...

Олегу Степанову

У хрущёвки-разволюхи,
Тут, на пяточке.
Слухи лузгают старухи,
Сев на лавочке.

Дескать, давеча-намедни,
Слышала одна,
Поп поведал за обедней,
Что грядёт Хана.

Президенту, мол, мы верим,
Кабы не премьер –
Он всё время смотрит зверем:
Точь-в-точь бультерьер!

Бабки век свой доживают –
Кругом голова!
В жизни только раз бывает
Восемьдесят два!

У всего есть и аверс и реверс:
У судьбы, у медалей, монет.
Я в словарь заглянул (автор – Реймерс),
Но об этом ни слова там нет.

Там понятий великое множество
(биология – школьный ликбез),
Всё есть: от божества до убожества,
Плюс какой-то “Партеногенез”.

Всё имеет обратную сторону,
И, пока выбираешь, живёшь.
Счастье всем нам отмерено поровну:
Кому – в раж, кому – в плешь,
кому – в грош.

Кто-то думает, что *куролесю* я –
Мне ль не знать, что за крест мы несём?
Жизнь стремится во всём к равновесию –
Уменьшать энтропию во всём!

В ней несчастный становится гением,
В ней дурнушка умней сотни дур,
В ней становится стихотворением
Зарифмованный наспех сумбур.

Нивелируя нормы и правила,
По которым живут пастухи,
Жизнь историю людям оставила,
Отделив её от шелухи.

Не понятно поэту перловскому,
Плохо – есть наяву или нет?
И откуда бы знать Маяковскому
Столь логичный бесчестный ответ?

Жизнь с собою сама управляется,
Не изменишь её ни на чуть.
И выходит, что следует маяться,
Говоря: проживу как-нибудь

Невидимкой среди этих баб, мужиков,
Веселясь, чтоб отсрочить печаль.
На вопрос не ответят мне ни Ушаков,
Ни Большая Советская, ни Ожегов,
Ни Брокгауз с Эфроном, ни Даль –
Да и сам разберусь я едва ль!

Любовь в неразумных пределах!
Душа затрещала по швам.
Нет мыслей ни чёрных, ни белых,
Нет места красивым словам.

Нет воли. С мечтами – негусто.
Реву я, охрипший Тарзан, –
Огромное светлое чувство
Слепит, застилая глаза!

Поэзия – сухой остаток слёз,
Сегодняшняя боль вчерашней раны,
Свинец для пуль, добытый из урана,
И глупый риторический вопрос.
Поэзия – холодный отжим грёз.

Система упорядоченных слов,
Когда необъяснимое понятно,
Когда на солнце различаешь пятна
И слышишь языки иных миров,
Переводя в стихи их безвозвратно.

Я не воспринимаю жизнь всерьёз,
И смысл жизни мной не осязаем.
Мне кажется, мы многого не знаем:
Поэзия – холодный отжим слёз,
Сухой остаток эфемерных грёз,
Плывущих в небе над страной Оз,
Над Родиной и виртуальным раем.

*Эльмире Галеевой и
Елене Фроловой*

“Мне Тифлис горбатый снится”,
Где в духане Мандельштам
Пьёт вино, как пьют водицу,
И страницу за страницей
Пишет мне посланье там.

Над горами свет лиловый –
Там, в Тифлисе – будто тут...
Осип знает: слово в слово
Мне Галеева с Фроловой
То письмо передадут.

Убедительные враки
Слышу я в словах Куры.
Горгасали дал мне знак и
Ме картулат влапаракоб,
Вместе с ним смотрю с горы.

“Рогор брдзандэбит, Тбилиси!
Тбили – тёплый до сих пор!
Тут и кручи есть и выси...
Звёзды на’ небе зажглись и
Опустел фуникулёр”.

На Мтацминде – центр мира,
Грибоедов и княжна.

И гитару, словно лиру,
Обняла легко Эльмира –
Властна, страстна и нежна.

Витязем в тигровой шкуре
Смотрит небо сверху вниз.
Я в истоме брови хмурю:
В мировой литературе
Мандельштамовский “Тифлис”.

Поражён – не знаю прямо!
Понял то, что мне сейчас
Сразу Дочь, Сестра и Мама
Эта песня Мандельштама,
Что услышал я у вас!

Губы лобзанием лобзика
Выпилили любовь.
Больно запястью от гвоздика.
Кровь? Ну, конечно. И вновь
Фарт, лобызающий в лоб зека,
Чудится трелью соловь-
Я понимаю, что лобзиком
Выпилена любовь!

Я не знаю, племянник ты мне или нет.
Так случается, дети бывают не наши...
И племянники тоже – ну, разве не бред?!
У моей ли снохи, у твоей ли мамыши
Я спросил бы, да знаю, что скажет в ответ.

Есть понятие “бывшие муж и жена”,
Бывший сын, бывший дядя –
по-моему слишком!

Я порой плачу так,
как не должно мальчишкам.
И здоровый мужик, не пойму ни хрена,
Неужели я жизни учился по книжкам?!

Нагло лжёт, не краснея, любая из книг!
На тебя исподволь... – это невыносимо!
Дядя, дядей не бывший тебе ни на миг,
Представляю твой взгляд постоянно –
привык! –

Взглядом тёзки,
стволом пулемёта “Максима”.

Почему не могло быть иначе у нас?
Мы живём вроде врозь,
плачем, видимо, вместе.
Я хотел подойти, я хотел столько раз...
Я следил за тобою, скрываясь от глаз
Неосознанно глупой, но искренней мести.

Что, оправдываясь, мне молоть чепуху?
Я смотрю за тобою из универсама:
Ты, шагая уверенно, гордо и прямо,
Крепко за руку держишь чужую сноху,
Называя её с нежным трепетом “Мама”.

Я живу, независим от звёзд и планет,
Я с тобою махнулся б судьбою, не глядя...
Я молился, но Бог отмолчался в ответ!
Дети дядей зовут меня по пять раз за день...
Я клянусь, что не знаю, а может и дядя!

Крещенский дождь.
Бог плачет над позором,
Над слабостью теперешней зимы.
Садовники сажают ёлки – в пору!
И изумлённо наблюдаем мы
За слякотью январского проспекта.
Как вытаращились окна! А дома?!
В удушье парникового эффекта
Спеклась великорусская зима!
Все неофиты – к храму, за водою...
Опять не понят!!! Дождь крещенских слёз
С небес роняет божество седое –
Раввин-расстрига Иисус Христос!

С ровесниками сталинских репрессий
В хрущобе встретил XXI век.
Душевный дискомфорт стал равновесием,
Но черти в сердце пляшут Краковяк.

Старуха ходит взад-вперёд под окнами
Дорогой самописца ЭКГ,
Летят снежинки, скручены волокнами,
А вон сосед с решебником к ЕГЭ.

Чеширский Кот-Баюн сел на балконе
И смотрит так, как пиво на леща.
Кот смотрит так, как смотрит вор в законе
На сходке, где должны делить общак.

Как здорово, что я есть в этом мире,
Во мне, не старом, очень старый дух:
Я думаю о космосе в квартире
И понимаю, как никто, старух.

Одна призналась мне в том, что она гость
На свете и в стране с названием Русь:
“Не умирать боюсь, боюсь быть в тягость...”
А я пока что умирать боюсь.

Как тяжело любить простых людей,
Обыкновенных, злых, скупых и склочных.
На мир взирают скважиной замочной,
Ища в нём лишь пиррихий да спондей,

Ища в нём только форте и пиано.
Ища в нём строго только black & white.
А Бог – Он доктор Джекиль? мистер Хайт?—
Непредсказуем нами постоянно.

Нет, разве кто-то истину нашёл?
Готов нас просветить о том, как нужно?
Как правильно? Как есть? Как хорошо?
Ведь совесть-то к догадкам равнодушна!

Да, скептик, я во всём ищу подвох!
Мир держится всю жизнь на честном слове,
Которое вначале было – Бог,
Источник всех немислимых Любостей!

А я всегда зеваю за мольбой!
Вчера признался шлюхе спозаранку:
“Я накоплю на то, чтоб быть с тобой,
чтоб стала ты моею содержанкой!”

Ужасно? Да! Противно?! Да!!
Да, блядь! (словечко протопопа Аввакума)
Ума не хватит каждого понять,
Не хватит мил за каждого подумать!

Как тихо в этой беспросветной темени?!
Тут Бог для крика копит силы что ли?
Нет, ждёт щелчка с долготерпеньем семени
В сосредоточенной *спресованности* воли.

В ладонях корни держат землю хрупкую,
Обхватывая медленно её.
А сердце бьётся, бьётся под скорлупкой,
Не ведая про крыс и вороньё.

Куст с воробьиной биржей есть знамение!
Пёс служит на мысках за рафинад:
У человека так прямохождение
Возникло много тысяч лет назад.

Я, жертвою научного прогресса
Смотря на пацифистский знак вчера,
Увидел трисомию “Мерседеса”
И разглядел распятие Петра.

Священная невнятица поэта –
В каракулях записанный инсайт.
Квадрат Малевича – портрет дискеты
Вре́мён Малевича объёмом в гигабайт.

Всё, что нужно мне, монетка,
Чтоб Харону заплатить
В час, когда мне Мойра метко
Перережет жизнь, как нить.

Так зачем же наживаться
Мне на чьей-нибудь беде?
Не котируются, братцы,
Деньги в Тартаре нигде.

Тут их тратить бесполезно:
Деньги есть, а счастья нет,
И заранее известно –
Не прикупишь пару лет!

Будешь радоваться редко,
Вор умерит страсть и прыть.
Накопить бы на монетку,
Чтоб Харону заплатить!

Орган эстетического вкуса.
Микрофиброй духа скручен нерв,
Напряжённый волей Иисуса
С силой в миллион ревнивых стерж.

Мысли почкованием плодятся,
Испаряясь радиоволной,
И психея в колпаке паяца
Злобно зубоскалит надо мной.

Я пытаюсь прочесть нервозно
Облаков бегущую строку.
С неба месяц Иоанном Грозным
Смотрит, сев, как птица на току.

Думаю, что Мендель или Морган
Знали, от кого – по чьей вине
По наследству *стихородный* орган,
Как цвет глаз, достался с детства мне.

Орган эстетического вкуса,
Орган ощущения себя,
Что слова нанизывает в бусы,
Веселясь, бунтуя и скорбя.

Для тебя, с кем я корнями в танце
Сросся от ступней до мозжечка,
Между островками Лангерганса,
Где забвенья сладкая река.

Речушка – преснортутный водоём,
В нём ртуть гидраргирум со ртутью,
С мутировавшей тиной, грязью, мутью –
Из этой речки все мы “воду” пьём.

Но это что? Нас обманули дважды:
“Вода” содержит смертоносный яд,
А духи спиритистам говорят:
Не станешь пить её – умрёшь от жажды!

Погода-дрянь – куда деваться?
Зима, а снегу – ни на ком!
И солнце Манькой-“облигацией”
По небу бродит босиком.

Шарахается проституткою,
Притягивая облака,
И дрянь, промозглую и жуткую,
Швыряет мне её рука.

Зима сегодня за паяца!..
Министр – тоже человек!
Боюсь весной догадаться,
Что осенью продали снег!

Птицы улетели на гастроли
В край, где лето борется с весной.
Я стою, как шхуна, на приколе
В бухте неуверенности. Что ли,
Ветер, забери меня с собой?

Не найти мне сказочного рая,
Рая нет – есть только то, что здесь.
Я на нервах птицам подыграю,
Странный мир – нет ни конца, ни края –
По законам сказок создан весь!

Осень-Фантомас срывает маску,
Смыв дождём и грим и макияж.
Бабушка бормочет внуку сказку,
Бьют куранты время с башни Спасской,
Птицы кружат, словно входят в раж.
Я беру блокнот и карандаш.

Ночь тайну исповеди бережно хранит,
Безмолвием своим похожа на гранит.
Я верю, на Купалу расцветают вайи,
Сокровища видны, цветёт разрыв-трава.
Уверен, что географичка не права,
Ведь неживой природа не бывает.

Большей зарплаты уже не хватает.
Юность глупцы измеряют в рублях.
Жизнь – это клетка, но не золотая.
Это журавль-колодец в руках.

Гений от Бога на опыт разменян:
С каждой думой глупей и глупей.
Учимся, как заповедовал Ленин.
Учимся глупости – странно, ей-ей!

Должности, деньги, награды и льготы –
В этом ли суть нашей детской мечты?
Думаю, в этом... Надеюсь, что кто-то
В том же признается... только б не ты.

Руслану Белинову

“Никому на земле не милый”,
Одинокством горьким горд,
Я смотрю на людей уныло,
Я – не ангел, не бог, не чёрт:
Выжимают со страшной силой
И выбрасывают за борт!

Извращенцы едят павлинов.
Жаль, что истина – дочь вранья.
Я, последний из исполинов,
Отпрыск Бога и Бытия.
Мне ль не знать, что Руслан Белинов
Мог подслушать у соловья?

Не брожу по сырým подвалам,
“Друганы” мои – все – враги!
Созерцая большое в малом,
Архивирую мир в мозги
И смеюсь над тупым амбалом –
Он нажил себе ТАМ долги.

В подземелье и наднебесье,
Там, где прячется добрый Бог,
Прерывая повадки бесьи
Неожиданным грустным “Ох!”
Одинокство – в этом весь я,
Весь: лах-лух, лох и Антилох.

Пьян сомнением – не текилой.
Сколько думаю – не пойму...
Мысли глупостью не насилуй
Бесконечными “Почему
Никому на земле не милый
И не преданный никому?!”

Это небо слишком голубое –
Слишком, чтоб его подозревать.
Это одноцветные обои –
Хочешь, можно пальцем рисовать.

Иногда на нём сверкает “Опель” –
Что ж теперь его мне не любить?
Разве море – совокупность капель?
А асфальт – нить Ариадны? Нить?!

Тишина сидит на крыше дома,
Свесив ноги, смотрит: Синева
Превращает в негу и истому
Непроизнесённые слова.

Эйфория солнечного света...
Озарение небытия...
Я, сроднившись с Богом, видел это –
Это обезличенное “Я”!

Электричка пахнет псиной,
Перегаром, грустью, сном.
Время тянется резиной.
Время тащится дрезиной.
Я расту, а всё как гном.

Всё ищу по недрам золото,
Я с глазами слеп, как крот.
Жил, как предки, небогато –
Лишь мечты я грёб лопатой –
Иххватило аккурат!

Как смотреть и не увидеть,
Наблюдать, не разглядев,
Что пройдут и эти дни ведь,
Никого не осчастливить
Мне, разоблачая блеф.

Бррр! Душа дрожит осиной.
Тремор. Грустно одному.
Электричка пахнет псиной.
Время тащится дрезиной
Не понятно почему.

В одиночестве я дома,
Гнёт меня проклятый гнёт,
Sms'ю вирш знакомым,
Как все люди любят гнома,
Но никто его не ждёт...

Никому никто не нужен –
Это понял я давно.
Мир закручен, мир завьюжен –
Правду встретишь лишь в кино.

Эти клоуны, как клоны –
Ну, не верю!!! Ни шиша.
Шварценеггер и Сталлоне –
Вот вся армия США.

Ловки, смелы и везучи –
Тут от смеха в пору выть!
Что ж Колумб или Веспуччи
Не могли придумать круче,
Чем Америку открыть?!

Светлане Коротченко

Пропустив один стаканчик,
Я побрёл: то вкривь, то вкось...
Мысли – белый одуванчик –
Вместе: дунь – и будут врозь!

Дунуть-дунул бризом в пристань
Под мелодию Садко...
И летят парашютисты-
-мысли тихо и легко.

Он был явственно зрим,
только люди молчали – им
Показалась уж больно простой благодать.
И таинственный бог,
 бывший в самом начале и
Вставший около них, замерев, стал стоять.

Мою любовь не сможет ночь украсть,
Ныряю в тёплый омут сновидений,
Где кто-то нежность раздувает в страсть,
Любовь – в мечту, а одарённость – в гений.

Я просыпаюсь с тем же, с чем заснул.
Стишата – это взрослые игрушки.
Морфей моей рукой перевернул
Прохладный реверс смявшейся подушки.

Я выплакал в неё любовь и боль,
По капельке отчаянье титрую.
Согрел её и, ангел или моль,
Посеял веру в глупость шерстяную.

Нафантазировала счастья в жизни мне
Бессонница – седая ворожея –
Над колыбелью в лёгком полусне,
А я поверил ей – и не жалею!

Утро ночи мудренее,
Светоч длани распростёр.
В небе дымка, а под нею
Инквизиторский костёр.

Жанна Д'Арк. Джордано Бруно.
Плоть сгорает, а не дух!
Музыку теряют струны,
Мысль высказывая вслух.

Птица Феникс – предок суток:
Утром пепел оживёт.
Заруби-ка на носу: так
Жизнь – по кругу, не вперёд!

Чья душа гордится схимой,
Тот о счастье не скулит.
С купиной неопалимой
Повстречался Гераклит.

И сказал, что мир есть пламя:
Постоянно, день за днём,
К нам идёт Христос... за нами...
Чтобы нас крестить огнём!

Он несёт его с собою –
Громовержец не простит.
Блещет небо голубое
Так обманчиво на вид.

Все простят: Джордано Бруно
И Ян Гус, и Жанна Д'Арк –
За великий огонь Перуна,
Волю мойр, норн и парк.

Инквизитор по привычке
В том признает колдовство,
Рядом ведьма вынет спички,
Закричав: “Распни его!”

И из искры вспыхнет пламя.
Над Голгофой ореол...
Рассекая ветр крылами –
Вон! – за печенью орёл!

Отсидел он зацелованное место,
Сел в машину, привезли его сюда.
Низок ростом, взглядом – выше Эвереста,
Говорит он свите “нет”, а людям “да”.

Люди пашут, он не пашет и не сеет.
Новый дом, и тут как тут он – как на грех!
Я задумался: ведь всё, что он умеет,
Это резать ленточки у всех.

Мудрость – быль, а не былина.
Очевиден постулат:
Чем порядочней скотина,
Тем приличнее оклад.

В мире нет богаче ветра
И беднее ветра нет.
Сдохнешь – выроют два метра:
Твой последний кабинет.

Глубже в землю лечь не сможешь.
Всё, что в жизни наживёшь,
Подытожить – подытожишь,
Взять с собою – не возьмёшь!

Всё, что тут оставишь внукам,
Вор сопрёт, испортит ржа.
Мы завещаны разлукам,
Смерть – любому госпожа!

Люди копят и жалеют –
Смерть не станет их жалеть:
Разве листья не желтеют?
Разве не тускнеет медь?

Ветру покорились недра,
Я бы стал, хотя б на час,
Ветром! Братом! Сыном ветра!
Он счастливее всех нас!

Я был всегда, а ты...

не веришь мне – и ладно!

Фамилия моя – не мирный человек.

Я мысль тяну за хвост

по-детски беспощадно,

Не веря в то, что дождь седеет в белый снег.

Да, я космополит, я гражданин Вселенной.

Всё: мир и человек – во мне слились в одно.

Со мною плавал Ной,

мы море взбили в пену,

Из пены вышла ты.

Что, Зевсовна, смешно?

Удивительный народ

Эти депутаты.

Их сам чёрт не разберёт,

К ним брезгливы каты.

Я б поставил им клистир

От лица народа:

Как прекрасен этот мир

Был до их прихода!

Раввин играет соло на шофаре,
Оплакивая прах моей души.
Не памятник воздвигну – колумбарий,
Чтоб уместить всего себя в аршин.

Прощенья попрошу за всё у ката,
За то, что не нуждался в серебре.
Знакомые ни в чём не виноваты
И уж тем паче в этой вот хандре.

Она меня когда-нибудь затянет,
Затащит как любовника в кусты,
И вспомнит друг, и даже враг помянет,
И первой, кто забудет, будешь ты.

Опять ложусь один, египетская мумия,
Замотан не в бинты – в безмолвное безумие.

И думаю, живу всю жизнь на муравейнике.
Все люди на земле – друг другу
с'коробейники.

Все что-то продают друг другу – вот порода, но
Не знают то, что Родина украдена и продана.

Ночь. Пальцы скользят по лицу,
И губы кусают за мочку.
И нежность короче, чем точка,
Спешит, не начавшись, к концу.

И я изнемог, обомлел:
Ах, как ты мне дышишь над ухом.
Душа обращается духом
На миг, в миг сплетения тел.

В объятья пленил Нефертити,
К лицу прикоснулась рука.
Мы скручены вместе: две нити,
Две нити одной ДНК.

Ни воздуха, ни воли – ничего.
Мир нервной системой без кожи,
Где близнецы друг с другом не похожие,
Имеют стопроцентное родство.

Не можем мы, две равных половины,
Иметь одни и те же цель и суть.
Когда мне перережут пуповину,
Смогу ли я, увидев рай, вздохнуть?

Проходит жизнь со скоростью сатори,
Летят года быстрее, чем звук и свет.
За горизонтом сразу Лукоморье –
Земля, где хорошо, когда нас нет.

Живу в стране чудес обыкновенных,
Грусть разбавляя огненной водой.
Число людей равно числу вселенных,
Где сталь опять становится рудой.

Седой старик, на облаке кочуя,
В бинокль армейский за тобой следит,
И ставлю не ему – тебе свечу я,
Неверующий в церковь неофит.

Моложе солнца я и легче тени,
Меня от смерти вера не спасёт.
Я гордо опускаюсь на колени
Не перед богом – перед словом ВСЁ.

Из стога сена вытащу иголку,
И, кто бы что потом не говорил,
Я проживу в своих потомках долго –
Пораздо дольше, чем Мафусаил.

И в Песне Жизни не сорвусь на коду,
Не поскользнусь, зайдя в родную грязь.
Лакает пёс из грязной лужи воду,
Собачьей жизнью вдоволь *насладьясь*.

Взгляни, как шмель целуется со всеми
Цветами, чтобы выбрать одного.
Ты думаешь, что у меня есть время
На легкомыслие? на флирт? на баловство?

Наивная девчонка! Я – имаго
С отвисшею мандибулой гляжу
И с испещренной рифмами бумагой
Ищу фантом подобный миражу.

Он грезится мне в каждой незнакомке,
Невыразимо доброе лицо,
Весёлое – не то, что на иконке,
Мудрей, чем у сионских мудрецов.

Сказать проста, красива, непорочна
О ней нельзя – я на неё похож.
Завидую шмелю, он знает точно:
Пока не поцелуешь – не поймёшь!

Гляди, как впился хоботком в тычинку!
Вся жизнь его – счастливая страда.
А жизнь моя окуклится в личинку –
Я так боюсь, что это навсегда!

Подумать только, в православном храме
Я думал не о боге, а о маме –
О женщине, открывшей мне меня,
В сравненье с этим даже бог – фигня!

Но бог не тот, что управляет миром,
Живя в душе у каждого из нас,
Который был энергией, эфиром –
Такой он не востребован сейчас.

Похожий на рево-люци-онера,
Старик с пятиконечною звездой,
Скрестил в гибрид сомнение и веру,
Прикидываясь старцем с бородой.

Неэмоциональные иконы
Индифферентно смотрят на меня,
И мне ли бить за это им поклоны,
На исповеди с батюшкой темня.

Когда я плачу, под глазами сухо,
Оскомина в душе, в груди озноб –
Не птичьи ли права святого духа
Отстаивает бородатый поп?!

В Загорске, в подмосковном Ватикане,
Где литургия, летаргией став,
Неубедительно твердит, что бог восстанет,
Щепоткой тыча именем Христа.

И челядь в храме блеет, вторя хору.
При храме дьяк прихрамывает – строг.
Тут всё: Синай, Голгофа и Гоморра,
Тут добрый сатана и злой пророк.

И я тут тоже... этими стихами
Молюсь, войдя в бесхозную избу.
Подумать только: в православном храме
За полчаса я смог постичь судьбу.

Мне чего-то не хватает,
А чего – не знаю сам:
Жизнь какая-то простая,
Жизнь какая-то пустая –
В ней нет места чудесам.

В сердце жало песней Стинга,
Грусть повисла на губе.
Сероглазая блондинка,
Потерялась половинка:
Кто найдёт – оставь себе.

Душа – эрогенная зона,
Ласкай её взглядом своим.
Влюблённости жду, жду сезона,
Когда распевается мим.

Пью кофе, как турки из турки.
Фемида ослепла совсем,
И грайи играют с ней в жмурки,
На новенького – Полифем.

Слежу за безменом богини –
Обвесит того и гляди.
Я глас, вопиющий в пустыне:
“Останься ещё, погоди”.

От вето не жду я ответа,
Фемиду мечтами грузя.
Люблю, несмотря на запреты:
Когда очень хочется – лъзя!

Посадил гитару на колено,
Пястью шею нежно ей обвил,
И слетели с музыки мгновенно
Струнные оковы тёмных сил.

Копошится в струнах, будто полет,
Вырывая звук из тишины.
Он её лелеет и неволит,
Пальцем щекоча за нерв струны.

Чувственно и так проникновенно
Честное минорное нытьё.
Посадил гитару на колено
И обнял, и слушает её.

Пять минут – это целая вечность
Для того, кто страдает и ждёт.
Обречённость линияет в беспечность,
И слезами становится лёд.

Цокот стрелок секундных, не гре-мя,
Разрезает гирлянды эпох.
Управляет конвейером Время –
Пунктуальный внимательный бог.

Никому ничего не доказывай,
Не маячь, не канючь, не ворчи.
В этой жизни, такой одноразовой,
На один результат сто причин,
И свою никому не навязывай.

Наплевать на социализацию,
Человек человеку – осёл!
Что конфессии эти и нации,
В человеке намешано всё:
Квинтэссенция воли в протрации.

Я живу, чтобы удостовериться
В том, что я был при жизни собой,
И порой, зарядив револьвер отца,
Целюсь я в небосвод голубой,
Но попасть не могу – не ковбой!

Не востребован и не желанен,
Не красив, не богат, не умён.
Совесь-Совесь, ты точно Сусанин,
И твой путь весь predetermined.
Ты со мной не на “ты”, а на “он”.

Я – пружина, сжимают всё ту же меня...

Мой единственный шанс –

Несомненный мой плюс:

Знаю точно –

когда-нибудь я –

распрямлюсь

Александр Моисеев

Эти люди мне чужие,

Мне их радости чужды.

Господи, хоть Ты скажи им,

Мне ль сейчас до их вражды?

Мне ль сейчас до разговоров

Про жратву да про шмотьё,

Кто да что, да с кем – ну, норов!

Мне б подумать о своём.

Мне б вдохнуть не кислорода,

Мне бы музыки вдохнуть

И, почувствовав свободу,

Выбрать свой дальнейший путь.

Как не треснуть от нажима,

Если всюду гнёт и гнусь.

Моисеева пружина –

Никогда не разогнусь!

Ночь до выдоха пунктуальна.
Ночь крадётся ежеминутно.
Я, на утро очнувшись в спальне,
Помню ночь, остальное – смутно.

Ночь пропалывает забвение,
Ночь просеивает желания,
Ночь прореживает сомнения –
Месяц не наглядится на неё.

Ночь взбивает мечты и истины,
Сколько б люди их ни коверкали.
Засыпаю, состарившись у стены,
За которою всё как в зеркале.

Накачался в стельку Гумилёвым – о!:
Мысли – в рифму, чувства – в рифму: пьян!
Старое привиделось по-новому,
Серое – гибридом Инь и Ян.

Я сейчас задумался о музах,
Потонув в пучине “красных глаз”:
Невысоких старых в серых блузах,
Их всегда гораздо больше нас!

Грусть ко мне припарковалась,
Не на долго – насовсем.
И пригрелась и прижалась.
Жало вынь из слова “жалость”
И не спрашивай зачем.

Человек рождён, чтоб злиться,
Так что ты его не зли.
В Красной книге нет страницы,
Как поднялись в небо птицы,
Рыбы в воду уползли.

Солнце скалящейся фиксой
Злится с неба: страх – не блеф!
Кот уселся в позе сфинкса –
Здесьний карликовый лев
Терпит, страх преодолев.

В душу грусть впилась пиявкой.
Юзер, я попался в сеть.
Галстук шею сжал удавкой.
Скоро стану Францем Кафкой –
Не уплыть, не улететь!

Мой ученик! Твой гений полной чашей!
Прощай меня, когда бываю крут.
Боюсь, тебя не зря назвали Сашей,
Меня ж не Аристотелем зовут!

***Профессорско-преподавательскому
составу кафедры Химии
Московского педагогического
университета***

Химия – оккультная наука,
Абсолютно всё возможно в ней, –
Тайна цвета, запаха и звука:
Самой чёрной магии сильней.

Я проникся ею в Alma mater:
Есть же специальность – колдовство!..
Для всего есть свой катализатор –
Жрец-хранитель времени всего!

Время – смесь ферментов и гормонов,
Человек подобен атому,
Жертва сил природы и законов,
Созданных самим им самому.

Атом и Адам ещё вначале
Наполняли Космос – каждый Бит:
От молекулярных орбиталей
И до галактических орбит.

Люди экстрагировали душу,
Чтобы абсорбировать добро.
Жизнь пипетка втягивала грушей,
Наполняя мудростью нутро.

Растворяясь и кристаллизуясь,
Мы живём во сне и наяву.
Спору, удивляюсь и волнуюсь –
Стало быть, пока ещё живу.

Философский камень мне не нужен,
Панацею – тоже не ищу –
Я инсайтом, истиной разбужен
И над ней, задумавшись, грущу.

Странно, в жизни смерть, став апогеем,
Эмбриона вновь свернёт в калач...
Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм –
Видимо, был самый честный врач!

Пью живую: литр, за литром литр,
Чтоб вступить мне на иную твердь.
Лучшее лекарство – ингибитор,
Так как замедляет нашу смерть.

Из одной молекулы – другая:
Тот же атом, но иная связь!
Не о жизни я стихи слагаю,
А о смерти, над судьбой смеясь!

Смерть разрушит между нами связи,
Жизнь потом нам новые создаст.
Огорчаюсь? Нет, ни в коем разе!
Был и Флогистон и Теофраст!

Всё, что было, знаю, но не знаю
То, что есть сегодня, если есть.
Под ногами твердь совсем иная,
Ров: не обойти, не перелезть!

Бутылкосборщик – санитар столицы:
Как предок, собирательством живёт.
Такое может с каждым... и случится!
Когда-нибудь придёт и мой черёд!

“Блажен, кто верует”.
Блаженней тот, кто ищет!
Не ждёт, а ищет. Он тому пример!
Бичуга? Бомж? Отнюдь, всего лишь нищий,
Обыкновеннейший пенсионер.

Треть жизни на Отчизну отышачив,
Не заслужил он к старости покой.
Плетётся, словно старенькая кляча
По городу с пегасовой тоской.

Бутылкосборщик – человек-эпоха!
Заложник подлой совести своей!
Из *жолтых* окон тычут пальцем в лоха...
Кому же на Руси живётся плохо?
Не человеку ли среди людей?!

Наиле Назаргалиной

Твою судьбу украсть и не украсить – грех,
Который не прощу себе, а Бог – тем паче.
Бывает смех до слёз, бывает грусть до плача,
Бывает, что поэт – не бард, а пустобрёх.

Я старый холостяк: всегда везде один...
Был кактус, но и тот преставился от скуки.
Меня Али Баба, Маруф и Аладдин
В цветных душистых снах (в снах!)
взяли на поруки.

Мне 28 лет. Я малое дитя,
Живу не по часам, а по биению сердца.
Я старый дед, сижу на кухоньке, кряхтя.
Пишу стихи, пью чай, замучив полэклерца.

Украшать жизнь твою я точно не смогу.
Ты аленький цветок, а я... а я ботаник.
Кораблик из письма в стихах
на берегу
Я отпущу к тебе, назвав его “Титаник”.

Альбомные стихи отвергнет Посейдон.
Гербарий из всего живого сделал вновь я.
Я встану у реки и крикну: “Посей, Дон!
Посей моё письмо –
пусть вырастит любовью!”

Мир полярен и амбивалентен!
Истина живёт среди вранья!
Из поэтов самый нужный Энтин –
Так уж жизнь устроена моя.

Не над золотом, а над чёрным налом
Чахнет нынче пушкинский Кощей.
Научу довольствоваться малым
Душу, что живёт среди вещей.

Объясню ей, что на свете просто
Жить, когда нет ни добра, ни зла,
В обществе, где на мораль нет ГОСТа,
Где бьют в спину да из-за угла.

Где одно всегда влечёт другое...
Жизнь, где без изнанки нет лица...
Общество, в котором все изгои,
Все-все-все: от твари до Творца!

Мне хочется понять, как вечность длится,
Не суть вещей меняя – антураж.
Как неанатомические лица
Меняет нам бесцветный макияж.

Хотелось в смысле жизни разобраться:
Каким я должен быть, зачем я тут
Живу, следя за сменой декораций –
Как приложение, как атрибут.

Зависит ли хоть что-нибудь от воли,
Могу ли я на время повлиять,
Зачем я 10 лет учился в школе
И каждый день азы учу опять.

Ищу в обыкновенном совершенство,
Вылавливая строки в тишине,
И ощущаю странное блаженство,
Побыв с самим собой наедине.

Снаружи вижу тайны все, что внутри,
Тасуя и ворочая слова,
Меняя позы их, как в Кама-Сутре,
Сплетая строки в строфы-кружева.

Баюкаю отчаянную музу,
Которая то мямлит, то скулит.
Я гражданин Советского Союза,
Не россиянин, нет – космополит!

Я времени служу, чтоб стать мудрее.
Я атрибут сегодняшнего дня.
Часы портретом Дориана Грея
Претенциозно смотрят на меня.

Как будто знают тайну злого духа,
Который посещал меня во сне,
И час, когда костлявая старуха
Уступит место, улыбаясь, мне.

В последней электричке, как на скором,
Помчусь быстрее крылатого коня,
Но верю, Вечность строгим контролёром,
Как зайца, всё же высадит меня.

И поплетусь обратно вдаль по шпалам,
Уверенность свою зажав в горсти,
Уверенность, что есть большое в малом:
Большое время в малой вечности!

Маме

Без тебя расцвёл гибискус
За без четверти три дня,
Взгляд его имеет привкус:
Молча смотрит на меня.

Без тебя плита остыла:
не шкворчит и не ворчит.
Не худеет в стирке мыло.
Не звенят в замке ключи.

Грусть аквариумных рыбок
Мне с лихвой передалась.
Мой костюм спортивный “Reebook”
Ждёт тебя, на стуле *мясь*.

Всё бузит твоя Тортилла,
Игуана держит пост:
Я её кормил тут, было,
Я к еде тащил за хвост.

Под окошком те же люди
Всё спуют, асфальт долбя...
А когда тебя не будет,
Что нам делать без тебя?!

Дмитрию Крайнюченко

Прислушайся! Фонтан. Шипит он?
Нет? Шкворчит?
Холодная вода бурлит в нём, закипая.
Воде известно всё, хотя она слепая,
Откроют тайны нам подземные ключи.

Сентябрь, а цветники цветут на ВВЦ!
Клокочущий фонтан стареет, но включают.
И бронзовый Ильич с улыбкой на лице
В распахнутом пальто
радушно нас встречает.

Нас, преданных ему предателей его,
Нас, Брутов и Иуд – хитра его улыбка!
Как будто бы он знал про наше шутовство,
Не верил, хоть и знал –
вот в чём его ошибка!

А мы с тобой идём в неведомую даль!..
Иду и мысли шью, а может быть, и не шью.
Гляди, на двух кульках написано:
“Миндаль”, –
Насыпано кешью – как правильное, кешью?

Обдуривают нас на слово – не на грамм.
Мы верим пастухам: доверчивей, чем овцы!
Скажи, а ВВЦ – не тот ли самый храм,
Откуда Иисус взашей прогнал торговцев?!

Пращур древнего друида,
Жрец Либида и Мортидо,
Ось Олимпа и Аида,
Повелитель тайных чар,
Прилетевший с Атлантиды
С ветром в семени гибрида,
В нём живут два разных вида:
Древо Жизни и Анчар.

Слеп: слепее, чем Фемида.
Помнит всех: царя Давида
И Исиду, и Далиду –
Не абрек, не янычар.
Наша жизнь, она коррида:
В ней нет места для обиды.
Мы холерные алгиды,
Мы как овцы средь волчар!

Нет честней Эпименида!
Жизнь длиннее, чем планида:
Живы мысли Еврипида –
Жив кувшин, но мёртв гончар!
Не волшебны лантаниды –
Это знают даже гниды...
Слуги фрейдовского Ида,
Овцы мы, А-Ид – овчар!

Бог правила игры меняет всякий раз,
Как только я пойму её закономерность.
Живу с надеждой жить не здесь и не сейчас!
Я плачу и плачу судьбой ему за верность!

Мартынов и Дантес? Для них я не в чести!
Ты думаешь, здесь Рай?

Едва ли! Рай – химера!

Когда-то я хотел свободу обрести,
А вышло, что Земля – Ад Марса и Венеры!

Светлане Бутенко

Улыбка лучше всякого наркоза!
Пробирки, колбы, склянки, микроскоп...
Иду, глазами хлопая: хлоп-хлоп, –
Несу тебе анализ в банке – слёзы!

Посмотришь, улыбнёшься мне: “Ну-ну!”
Вампиров не боюсь: они в кино лишь!
Доверчивый, я знаю, что уколешь,
А руку всё равно тебе тяну!

Сколько людей, сколько лиц, сколько судеб:
Умных и глупых, счастливых и злых –
Не одинаково равных по сути,
Я не идентифицирую их.

Люди живут без идеи, без цели;
Плыть по течению – снесёт в водопад.
Глупость опутала мир как мицелий –
Глянь, как глупец своей глупости рад!

Вот же печаль потрясёт и отпустит.
Это прозрение стоит того,
Чтобы понять, что в мгновения грусти
Ты настоящий, ты то существо,

Что, не вкусив от запретного древа,
Бродит по Раю и воеет-скулит,
Держится за бок и молится: “Еву,
Еву создай мне, а Еве – Лилит!

Рай тогда станет твой истинным Раем.
Евка и Лилька поймут: я не тот.
Жизнь мы в “Орлянку” с тобой разыграем,
Смертный, съев смокву Твою, не умрёт.

Семя его будет течь по сансаре.
Мудрость Твою, концентрируя в нём,
Я буду третьим с влюблёнными в паре
Вечность за вечностью и день за днём.

Так что давай, я монетку подкину,
Пусть она звякнет – дзынь! – встав на ребро,
Мир разграничив на две половины,
Мир, где добро побеждает добро.
Жизнь перережет мне и пуповину,
И орган чувство шестого – нутро!”

Враги народа выбрались во власть.
А может быть, они всегда там были?
Когда ни глянь, они всё время в силе,
И жизнь у них – то козыри, то в масть!

Наивность – пропасть, чтобы в ней пропасть
Душе, скорбящей в теле, как в могиле,
Познанием мы жизнь остановили,
И с'частью рад любой, кто вырвал часть!

Любовь – напасть, чтоб на неё напасть,
Необходимо вызвать шторм при штиле.
Мы любим лишь затем, чтоб нас любили:
В любви есть наркотическая сласть!

Позволили мечты свои украсть
Крещённые огнём в кровавом Ниле.
Нас выжили. Мы выжили и мстили
Всем: власти за себя, себе за власть!

Наивность моя – бесконечное небо,
Бездонная яма, а я в ней лечу
И пялюсь на ассортимент ширпотреба:
Ни шлемов, ни лат, ни мечей, ни кольчуг.

Не всё однозначно: один – значит, Один!
Я у одиночества в вечном плену.
Имею великое множество родин,
А сердцу хотелось бы только одну.

Одну, настоящую – это ль не чудо!
Но там, где родное всё, я не в чести.
Не буду спешить, но и медлить не буду
Покой не на ней, так хоть в ней обрести!

Потомок “Калинки” и “Хава Нагилы”,
Я мысли дразню, выбиваясь из сил.
Земля не выплёвывает из могилы
Ни тех, кто прощал, и не тех, кто простил.

Она примет всех без чинов и без денег,
Мы все перед нею равны – что с того?!
Живу полноцветно я, как шизофреник,
Один составляя своё меньшинство!

Трепещет душа в паутине полночной
печали...
Секундная стрелка крадётся – я слышу шаги,
И кислая мина, как после плохого ткемали,
Уставилась на пятерню своей правой ноги.
Ладонь под щекой –
как-то необъяснимо приятно...
“Болтун” по заявкам поп-музыку попой поёт,
И мне, аспиранту, ничто на земле
не понятно:
Я глух как глухарь, нем как рыба и слеп,
слеп как крот.
Известное всем мне подчас
одному неизвестно.
Придумано всё, но не всё мной открыто ещё.
Чтоб знать, нужно помнить.
Живу, так как жизнь интересна,
Открою устройство её и тогда прекращу...
Пусть мысли роятся –
в мечтах явь чудеснее сказки.
Пусть цокает в сердце с апатией
злой метроном.
Пусть бродят эмоции: страсть –
неплохая закваска:
В ней дедушка Фрейд был уверен –
я с ним заодно!
Пищу ли я стихи? Едва ли, я их вспоминаю...
Догадываясь о природе и сути вещей,
Я мыслям слова, будто имя сынку подбираю.

Не верю в бога и не верю в дьявола:
Есть лишь энергия и вещество.
Моя душа уже по Стиксу плавала
Задолго до рожденья моего!

В душе живут и ангелы и демоны,
И совесть – это сплав добра и зла...
Не совесть ли поступками беременна?
Не совесть ли сперва грехом была?

Мы, люди, тут гостим, мы соглядатаи,
Мы здесь за справедливостью следим.
Все! Каждый за своей! Мы те же статуи,
Но в нас есть то, что недоступно им.

Поэтому у нас своя история.
Мы ровно делим всё: от сих до сих, –
И создаём научные теории:
Авось потомки опровергнут их!

Беспомощна теория без практики!
Горазд на всё, чего б ни захотел!..
Вокруг меня не люди, а галактики
Под кожей-кожурой белковых тел!

Вдыхаю тишину, кишашую словами,
Которые пока никто не произнёс.
Полночная луна лежит в небесной яме.
Осенняя печаль: мне плачется без слёз!

Я мыслями дышу, я упиваюсь грустью,
И сами по себе рифмуются слова,
Свисая с языка той наливною гроздью,
Что скоро лопнет – раз! –
и брызнет соком – два!

Луна – она не он! Она неоном светит:
Холодный тусклый свет,
как томный женский взгляд,
Не глядя на тебя, он всё в тебе заметит,
И комплименты вмиг твой имидж обнулят.

Не лги себе, не лги, красавиц честных нету!
Их жадность жжёт, сверлит,
всю красоту губя.
Пойми и не суди по фантику конфету...
Им нужно всё твоё, но лучше – без тебя.

Я был влюблён не раз –
как видишь, безуспешно.
Была любовь и страсть...
был флирт и баловство...
Ей нужно было всё... я дал бы ей, конечно!
Но у меня есть я и больше ничего!

Это страшно, по правде страшно:
Жить, завидуя мертвецам,
Жить не завтрашним, а вчерашним
Властелином, но без кольца.

Узник башни Слоновой кости,
Он слоняется взаперти.
Моралисты, вы камень бросьте,
Бросьте на пол – он вас простил.

Да, греха из нас ни на ком нет,
Он глотает кекс как кулич.
И из отчества всё, что помнит –
Окончание только – ВИЧ!

Он, истерзанный гепатитом,
Умереть готов хоть сейчас,
И беспомощным – не сердитым –
Он сердито глядит на нас.

Люди – есть ведь река такая,
Что торопится стаей крыс
Из ковчега и от Синая
До Колхиды, Голгофы вниз.

Он не ходит к знакомым в гости,
И воротят рожи друзья.
Моралисты, вы камень бросьте,
Бросьте камень в него, как я!

Помню, как я с ним в детстве прыгал,
Нынче ж смотрит он на живых:
взгляд иглою из стога игл
От шприцов инсулиновых.

Я узнал его: тощий, бледный,
Чёрно-белый – а фон цветной...
Мне не жалко копейки медной,
А тем паче не жаль стальной.

Он узнал меня, видно, тоже...
Я подумал: нехорошо!
Он ко мне подойти не может,
Я могу – но не подошёл!

Где лекарство найти от злости –
Нет таких ведь у нас аптек?!
Моралисты, да бросьте, бросьте!
Он ведь всё-таки человек!

Даже больше, чем я, возможно!..
Это, знаете ли, закон:
Если смотришь ты осторожно,
То глядит осторожно он!

Кто смущен из нас, кто испуган,
Я не знаю – да как узнать?!
Подойду к нему, если вдруг он
Повстречается мне опять.

Обниму его: “Здравствуй, Тёма!
Я узнал тебя по глазам.
Мне печаль твоя так знакома,
Но не мсти ты мне – “Аз воздам!”

Я воздам себе сам с лихвою,
Сам в сердцах или сторяча.
Да, я оборотень, и воет
Человек во мне по ночам!

Моралистов клянупу, как кочет,
Уличивший трижды Петра.
Рвётся ветер-холерик, хочет,
Но не может крикнуть: “Пора!

Хватит жаловаться на участь!
Надо жить до последних стен!
Жить и верить в свою везучесть
На коленях и без колен!

Время жить – это время верить!
Будет время, и будешь знать,
Что одно другим не измерить!
Что одно с другим не связать!

Жить спокойно – лишь на погосте!
Что пенять на судьбу, казня?!”
Моралисты! Каналья! Бросьте!
Бросьте камешек свой в меня!!! ”

Уверен, что лучше не будет –
Уверен, а почему?
Меня приручили люди,
Зачем я им – не пойму.

Я пробовал слаще морковки,
Их ложь – для меня буриме.
Я не поддаюсь дрессировке
И не размножаюсь в тюрьме.

Жду, истина даст мне всходы –
Плоды её слаще грёз,
Дороже моей свободы
И праведных детских слёз.

Братишке моему, Юрасику

Мне двадцать восемь... я живу мечтами
О том, как проживу свои сто лет.
А мимо небо мраморным гурами
Плывёт сквозь мой закат и мой рассвет.

Плывут минуты, дни, недели, годы –
Их гонит ветер, их заносит снег,
А я ищу свободы от свободы
И в каждой рифме вижу о-бе-рег!

Мне двадцать восемь. Что это – начало?
Старт в понедельник первого с утра?
И как бы жизнь меня ни огорчала,
Я знаю, что она ко мне добра.

Из детства сразу в зрелость – не серьёзно
Решение созвездий и планет.
Грустить не вредно и мечтать не поздно –
В особенности в двадцать восемь лет!

Мечтаю кардинально поменяться:
Не раздражаться на судьбу, не ныть.
Прекрасный возраст: жить и убеждаться,
Что ты бессилен что-то изменить!

Что ты живёшь по прихоти Вселенной:
Не раб, не червь и не стафилококк.
Являясь Иксом – вечной переменной,
Имеешь свой срок годности – жизнь – рок!

Ты думаешь, что ты за всё в ответе,
Стараешься быть честным, не скорбя
О том, что счастливы здесь только дети,
А слабости твои сильнее тебя!

Ты думаешь тогда, когда не знаешь.
Надеясь объегорить праотцов,
Добро и зло моралью разделяешь –
Как разделить сиамских близнецов?

Разыскиваю истину в науке,
Способную не верить чудесам.
Спасая человечество от скуки,
Я в эту скуку погружаюсь сам.

Мне двадцать восемь... это середина:
Ни развернуться, ни рвануть вперёд.
Там, в Зазеркалье, заплутал мужчина –
У зеркала его мальчишка ждёт.

Он повзрослел? Отнюдь. Он вырос просто.
Внимательней, разборчивей стал – да.
С годами экономней светят звёзды
И расточительней течёт вода.

Меня зовут по отчеству – солидно
Я чувствую себя, но, кто-нибудь,
Скажите мне, признайтесь, как обидно,
Что отрочества, юность не вернуть?!

Вдохнёшь одно, а выдохнешь другое:
Кто истину познал, тот будет лгать –
Секрет ортодоксального а голя.
Кто мой Творец? Моя земная мать!

Когда я был созвездием на небе,
Я присмотрел её в толпе людской.
Я выбрал время, место, жизнь и ребе.
Сказал: “Поехали!” Махнул рукой.

Теперь живу, точнее – существую
В своём воображении и тут,
Разменивая вечность дармовую
На мелочь: горсть мгновений и минут.

Рифмую, усмиряя страсть стихами,
Либи́до укрощаю наяву
И искру божью раздуваю в пламя,
Чтоб убедить себя, что я живу.

Что я тогда не зря спустился вниз не
На лифте, а по Млечному пути.
Я должен стать эпохой в чьей-то жизни,
Я должен человечество спасти!

Не отличит поэта от пророка
Шестая часть моей родной Земли,
Где Ближний дальше Дальнего Востока,
Где жгут поэтов, как пророков жгли.

Мне двадцать восемь... это слишком много!
Я думаю о том, как буду жить,
Какую в жизни выберу дорогу,
С кем буду враждовать, а с кем дружить.

Я искренен, хотя порой не честен:
Своими заблуждениями делюсь,
Ведь мне Закон Вселенной не известен,
Но открывать его не тороплюсь.

Познание – путь смены заблуждений:
То истинно, во что ты веришь сам.
Талант и скромность порождают гений,
Способный опровергнуть чудеса.

Ну, а пока весь мир в оконной раме
Я наблюдаю, сидя перед ним,
Мне двадцать восемь! Я живу мечтами...
О том, как быть созвездием иным!

Содержание

	Стр.
Жизнь прожигаю среди душегубов...	3
Рождение воды под взрыв гремучей смеси...	11
Меня воспитывала улица...	13
Мне кажется, меня не понимают...	14
Думал весь день, с утра, а...	15
Мы встретимся в раю, где Пётр стоит у входа...	16
Я нежусь в одиночестве своём...	17
Треугольная гитара...	18
Время проходит быстро...	20
Наши взгляды играют в прятки...	21
У хрущёвки-разволюхи...	22
У всего есть и аверс и реверс...	23
Любовь в неразумных пределах...	24
Поэзия – сухой остаток слёз...	25
“Мне Тифлис горбатый снится...”	26
Губы лобзанием лобзика...	27
Я не знаю, племянник ты мне или нет...	28
Крещенский дождь...	29
С ровесниками сталинских репрессий...	30
Как тяжело любить простых людей...	31
В шушуканье, шорохе, шёпоте, шуме...	32
Как тихо в этой беспросветной темени...	33
Всё, что нужно мне, монетка...	34
Орган эстетического вкуса...	35
Речушка – преснортутный водоём...	36
Погода-дрянь – куда деваться...	36
Птицы улетели на гастроли...	37
Ночь тайну исповеди бережно хранит...	37
Из Вашего окна совсем другие виды...	38
Над лепестками газовой конфорки...	38
Большой зарплаты уже не хватает...	39

Никому на земле не милый...	40
Это небо слишком голубое...	41
Электричка пахнет псиной...	42
Никому никто не нужен...	43
Пропустив один стаканчик...	43
Этот воздух содержит корпускулы времени...	44
Мою любовь не сможет ночь украсть...	45
Утро ночи мудренее...	46
Отсидел он зацелованное место...	47
Мудрость – быль, а не былина...	48
Я был всегда, а ты... не веришь мне – и ладно...	49
Удивительный народ...	49
Раввин играет соло на шофаре...	50
Опять ложусь один, египетская мумия...	50
Ночь. Пальцы скользят по лицу...	51
Ни воздуха, ни воли – ничего...	51
Фонарные столбы искусственные нимбы...	52
Проходит жизнь со скоростью сатори...	53
Взгляни, как шмель целуется со всеми...	54
Подумать только, в православном храме...	55
Мне чего-то не хватает...	56
Душа – эрогенная зона...	57
Посадил гитару на колено...	58
Пять минут – это целая вечность...	58
Никому ничего не доказывай...	59
Не востребован и не желанен...	59
Эти люди мне чужие...	60
Ночь до выдоха пунктуальна...	61
Накачался в стельку Гумилёвым – о...	61
Грусть ко мне припарковалась...	62
Мой ученик! Твой гений полной чашей...	62
Химия – оккультная наука...	63
Бутылкосборщик – санитар столицы...	65

Твою судьбу украсть и не украсить – грех...	66
Мир полярен и амбивалентен...	67
Шёл пять тысяч семьсот шестьдесят восьмой год...	68
Скучаю? Да. Привык. Живу один, но всё же...	69
Мне хочется понять, как вечность длится...	70
Без тебя расцвёл гибискус...	72
Прислушайся! Фонтан...	73
Деревья в пёстрых разноцветных сари...	74
Пращур древнего друида...	75
Я думал, как бы мне свободу обрести...	76
Улыбка лучше всякого наркоза...	77
Сколько людей, сколько лиц, сколько судеб...	78
Враги народа выбрались во власть...	79
Наивность моя – бесконечное небо...	80
Трепещет душа в паутине полночной печали...	81
Одиночество – страшная сила...	82
Не верю в бога и не верю в дьявола...	83
Вдыхаю тишину, кишашую словами...	84
Это страшно, по правде страшно...	85
Уверен, что лучше не будет...	88
Мне двадцать восемь... я живу мечтами...	89

ЭКС-Тракт

Экстраверсификация

Рекомендовать кому-либо книгу - все равно, что предлагать поносить ботинки, которые вам по ноге.

Кшиштоф Теодор Теплиц

До изобретения аннотаций на суперобложках автор был вынужден создавать себе имя писательским мастерством.

Лоренс Питер

Эта не та книга, которую можно просто отложить в сторону. Ее следует зашвырнуть подальше со всей силой.

Дороти Паркер

Фото Алексея Комарова

Рисунок художника Татьяны Лапиной

Основой для обложки послужили художественные фотографии работы Игоря Зенина

Обложка работы Дмитрия Минорина

**Контактный телефон для связи с автором
8-905-770-67-69 Михаил Фридман**

**Подписано в печать 05.05.2008 г. Формат 70x100 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.**